

...Где вместе – небо и земля
В морозной мгле слились.

Дмитрий Мизгулин

Сегодня лирический герой, как правило, является фигурой по преимуществу внешней – или же сфокусированной на построение облика внутреннего человека, на «угадывание» личных душевных движений. Конечно, такая градация во многом условна, однако у неё есть видимые примеры и одна характерная особенность.

Alter ego автора, однажды показавшегося на люди в окружении земных предметов и коллизий, впоследствии крайне редко высвечивается в качестве живого микрокосмоса, вовлекающего читателя в свои нескончаемые глубины. Происходит некое самоопределение поэта: либо он становится частью узнаваемого окружающего мира на всю оставшуюся творческую жизнь, либо существование его приобретает драматически замкнутую форму – и всякий, привороженный голосом певца, уже не ждёт от него ясных слов и художественно внятных, прозрачных в своей конкретике сюжетов. Подчеркнём, что речь здесь идёт именно о творческом облике, а не о социальном портрете литератора.

Названные характеристики практически никогда не перетекают одна в другую. Более того, обычно поэты интуитивно выбирают форму своего лирического воплощения, стремясь к определённости личных художественных примет. Эта – на первый взгляд, довольно странная, но, тем не менее, оче-

видная – поляризация в «стане стихотворцев» нашего времени почти не знает промежуточных положений. Взаимное проникновение обозначенных интонаций и смыслов попадает на глаза редко и тревожит слух, скорее, как феномен, а не привычное обыкновение.

В пределе тут сталкиваются и едва ли не враждуют публицистика и эскапизм, не склонный вступать, практически, ни в какие отношения с социумом. И то и другое для поэзии – тенденции разрушительные, и главная речь должна идти о чувстве меры, с которым глубокий человек не отворачивается от мира, но стремится сделать его лучше и добрее. Именно на такой промежуточной художественной и личностной территории перед нами возникают стихи Дмитрия Мизгулина – автора, способного удивительно точно обозначить дыхание нашей большой эпохи и движение чувств современника.

У Мизгулина реальное пространство дано в довольно беглых приметах. Они не поддержаны отчётливой, запоминающейся образностью. Притом что поэт легко и свободно умеет показать действительность – примелькавшуюся и стёртую в своих чертах. И создаётся впечатление, что лирический герой воспринимает окружающую среду именно так потому, что она для него – НЕ ГЛАВНАЯ. Вся художественная самобытность текстов автора выходит на первый план в местах соединения реального с НАД-реальным, земного – с Небесным. В подобном контексте Дмитрия Мизгулина можно назвать *духовным* поэтом, несмотря на то что он скуп на соответствующие «высокие» слова. Его сентенции метафизического характера кто-то может отнести к резонёрству, но продуманность распределения акцентной образности в стихах и сам способ показа реального пространства подтверждают сосредоточенные слова автора и не позволяют определять их как плоды расчётливого или безутешного ума.

В объёмном собрании стихотворений Дмитрия Мизгулина¹ одна из поэтических тетрадей называется «Русские печальные слова». Это заглавие как нельзя лучше подчёркивает интонацию и скрытый смысл многих его строк. Русская душа почти всегда не удовлетворена наличным бытием, устремляясь потаённой глубиной своей в царство любви, справедливости и высшей правды. Земной окоём никак не совпадает с очертаниями горнего светлого мира, и потому затаённая печаль стала неизбывной приметой русского человека.

И так спокойно было на душе,
Как будто жизнь ещё не начиналась.

Человеческая судьба представляется нередко смутной и противоречивой, в ней нет ясности и зримой последовательности картин и поступков. Тогда как до начала физической жизни душа пребывает в неведомом космосе в состоянии внутреннего умиротворения и согласия с близким и далёким и с самой собой. Зыбкость земного распорядка видна у Мизгулина даже в спокойных, на первый взгляд, эскизах природы:

Лодка, Церковь у погоста.
Тёмная река.
Чайки кружат над водою,
И с тревогою немой
Мчатся облака.

Хотя со здешней тревогой перекликается и Небесная, которая явлена нам через природные детали. Довольно часто «схваченные» глазом поэта подробности социума и быта кажутся чрезмерными в своём количестве. Но почти никогда природа не оказывается в его лирике мимолётным видением или только осязаемой вереницей предметов и ситуаций, которые по отдельности как будто могут утратить собственную многомерность и значимость. Сиюминутное человеческое по метафизическому «весу» уступает природному уже потому, что природа в каждом новом её состоянии закономерна, а не своевольна: она послушна воле Творца. Её мнимая «самостоятельность» смущает людей, настораживает – но почти никогда не приводит к взаимопониманию. Самонадеянный человек не способен уловить связь дерева и облака с непостижимой Мировой

¹ Дмитрий Мизгулин. Стихи: 11 тетрадей/ Редактор-составитель Нина Ягодинцева. – Общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска», 2014.

Волей, и загадочное «бессмертие природы» его «пугает иногда». Впрочем, становясь однажды прахом, он соединяется с природным миром, но понимание всех последующих событий отрезано от него смертной чертой.

... Человек состоит из воды,
А когда-нибудь станет землёю.

Жизнь промчится – исполнится срок.
Будет имя твоё позабыто.
И развеются прах и песок
И из мрамора, и из гранита.

На фоне печали и суеты неуловимо возникает смысл возврата тела человеческого в землю, изначальное предназначение быть её частью. Эта негромкая, но очень глубокая связь может быть истолкована символически: добрых людей больше, чем злых, потому-то земля и держится, не пропадает – её укрепляет *добрый прах*. У Мизгулина подобный пунктир отодвинут от прямого наблюдения никчёмной социальной лихорадкой, которая вполне наглядна и безысходна.

...И лежит наш скорбный путь
Среди шума, среди гама
Мимо Бога, мимо Храма.
.....
В переполненной мглой душе
Места нет для покоя и Бога.

Визуальный «лист реальности», со всеми её приметам и деталями, словно проколот запредельными смыслами – достаточно редкими, которые, однако, позволяют увидеть сквозь образовавшиеся в бессмысленном существовании «дыры» невероятно яркий, ослепительный свет подлинного бытия. С ним связан непонятно как возникающий рефлекс Спасения, поначалу заставляющий человека притекать к главному – простому и ясному:

Рассеян ум. Бессилен разум.
И только трудится душа,
Слова простые раз за разом
Нанизывая не спеша.

Мироощущение Мизгулина пронизано чувством надвигающейся на современную цивилизацию катастрофы. И кажется, что грозный гул тотальной беды слышит только он. Даже природа как будто невозмутима и не содержит отчётливых, роковых знаков, в которых «...Неотвратимость бытия / И час расплаты». Особенно остро хрупкость настоящего времени воспринимается им на безоглядных ярмарках тщеславия и самоуверенности:

Очнёшься от шумных застолий,
Где праздная чаша горчит –
Услышишь, как в стынущем поле
Полуночи птица кричит.
<...>
Я в этом веселии лишний
И, мучась опять и опять,
За что нас карает Всевышний –
Стараюсь в смятенье понять,

Коль скоро глухие метели
Закружат чужие слова,
И скоро нас в прах перемелют
Эпохи иной жернова.

Предзнаменование – особая сторона взгляда на мир у Дмитрия Мизгулина. Он способен различить тоскливую тревогу, когда «...стонет под ветром, и стынет / До срока разбуженный лес». Будто собрат лирического героя, стынущий лес воспринимает невидимые вибрации большой *надмирной жизни*. Но его движения и звуки ещё не выглядят окончательными знаменами, тогда как поэт с сердечной болью вбирает в себя весь объём дисгармонии, разрушающей родной для него мир.

Если говорить о стиле мизгулинских стихотворений, то он не преобладает над художественным смыслом: это качество поэтического высказывания автора оказывается в тени собственно содержания его строки. Там же, где форма неожиданно являет себя тем или иным образом, стихи обретают дополнительную выразительность, которая обогащает смысл ещё и ярким изображением:

И ты, как будто наяву,
Опять с крыльца ко мне спустилась.
Упало яблоко в траву
И покатилося...

И всё-таки сюжеты Мизгулина по преимуществу умозрительны: некая философема почти всегда прячется в ткани его художественной речи. Цвет в его стихах появляется редко: они, скорее, рисунок или графика, нежели пример живописи. И это, в свою очередь, склоняет лирический рассказ к движению мысли, а не к перемене картин.

Стоит обратить внимание на разность ритма, который сопутствует внутреннему и внешнему развитию сюжета. Чехарда реалий внешнего мира болезненна и мимолётна, тогда как сердце и ум способствуют вызреванию главных слов и отношений как-то мерно, не торопясь, с ощутимой долей усталости и печали.

Заметим, что по ряду деталей в контексте лирики автора, родившегося в Мурманске, он предстаёт, скорее, деревенским жителем, перебравшимся однажды в город. В этом случае вытеснение «медлительного» ритма природной среды учащённым течением городского существования закономерно, однако затаённая верность души прежнему, глубокому и спокойному дыханию могут многое сказать о психологическом и мировоззренческом устройстве лирического героя.

Когда-то он чувствовал себя частью леса, реки, луга и упивался свободой и гармонией жизни. Сегодня всё – не так: окружающая цивилизация мегаполиса темна и лукава, ей ничего не стоит перемолоть человеческую судьбу. Более того – порой кажется, что в этом её адепты находят элементы удовольствия и азарта. Вот почему лирический герой Мизгулина так обречённо относится к проекциям текущего дня на завтра. Все урбанистические пути уводят его от Бога и от храма. И в какой-то момент они оборвутся на краю пропасти – житейской, апокалипсической, метафизической...

Скажи, кого винить, когда
Внезапно кончилась дорога?
.....
...И тревожится душа
В ожидании развязки.
.....
Кровавый туман над притихшей Россией клубится,
И Гришка Отрепьев уже ничего не боится.

Поэт пытается соединить сокровенный смысл происходящего с поступками и словами, тем самым стремясь хоть в малой мере вживить крупинки истинного понимания вещей в безотрадную современность. Такой отчаянный психологический разрыв между внешним и внутренним мирами оказывается факсимильным отпечатком лирики Дмитрия Мизгулина. А его желание сшить разорванные края зримого и осязаемого уклада, излечить душевные болезни жестокого века становится явлением во многом уникальным. Эти шаги – наверное, идеалистические – не приведут к значимым результатам, но поступать иначе, перекраивать себя поэт не может и не хочет, какую бы цену судьба ни назначила ему за принятое решение.

У Мизгулина очень много стихотворений дневникового характера. В своде его лирики они играют, пожалуй, не самостоятельную роль, а служат периодически возникающей иллюстрацией

незначительности и *без-образности* суеты, которая пытается выглядеть весомой и запоминающейся. В реалиях внешнего мира автор принципиально не ищет образности. Скорее, это диктуемое выморочной средой отсутствие ясного и яркого образа он вынужденно преодолевает. Так формируется облик сжимающегося с каждой прожитой минутой житейского поля, под метафизической поверхностью которого складываются неведомые силы, готовые однажды кардинально изменить мир.

Поэт чувствует драматические перемены, но старается отдалить их, как бы уговаривая Всевышнего быть снисходительным к исстрадавшемуся русскому человеку. Как правило, подобные слова заключают стихотворение, в котором тесно переплетаются «надежда и сомненье», а Небо закономерно и естественно видится непререкаемой инстанцией. Смысловый вес определений и предметов здесь на порядок больше, чем прежде, ещё и потому, что главные вопрошания лирического героя обращены к Создателю, а не к современникам и не к сиюминутному содержанию жизни.

Тяжелеют осенние воды,
Догорают рябины огни...
Но во мраке ноябрьской природы
Вдруг наступят особые дни –

И развеется мрак постепенно,
Рябь по водам пойдёт не спеша.
И, как солнечный ответ, нетленно
Встрепенётся – и вспыхнет душа.

.....
В поднебесье тускло тлеют звёзды,
В темноте круги сужает бес.
Но поверь, что никогда не поздно
Будет достучаться до Небес.

.....
Метель утрат восторг души остудит,
Застынет в реках чёрная вода...
Но всё-таки Господь весёлых любит,
А верных не оставит никогда.

И пусть кружат во мгле миры и меры,
В крошечном мраке исчезает путь,
Держись поближе Православной веры –
А там Господь подхватит как-нибудь.

Психологически стихи Дмитрия Мизгулина оказываются очень русскими: черты характера, «выглядывающие» то из одной авторской оговорки, то из другой, вполне самобытны. И потому лирическая речь поэта есть некое свидетельство русского человека, говорящего в присутствии своего брата и сестры, родителей и детей, друзей и редких единомышленников. Чувство Родины, сквозное для разных эпох, для разных людей и разных художников бережно хранится автором. Более того, творчество Мизгулина неявно подразумевает, что русский художник, утративший это драгоценное ощущение, одновременно теряет и своё вдохновенное призвание. Образ Тургенева, которого измучила тоска по России, тут очень показателен.

Мой Бог! Помогут разве воды,
Когда встают из забвения
Печальный лик родной природы
И смысл загадочный ея?..

Подчеркнём, что черты Родины представлены «золочёным сентябрьским лесом» или «утренней тихой рекой», которая катит волны в далёкий океан. Он созвучен дали дальней и прогрессу, но значительно шире фальшивой вселенной современной цивилизации. Река заледенеет, изменит русло,

однако глубинное течение её останется прежним – станет другим только всё внешнее: «Под громадой застывшего льда / Будет вечно струиться вода». Здесь – абрис смыслового портрета не только автора, но и русского человека как такового.

Поэт погружён в сумеречную жизнь бездушного города, предчувствия изнуряют сердце, но надежда на Промысел и на чудо не оставляет его. Во многом потому, что он затаённо верит: с Россией будет именно то, что мы о ней думаем.

А за окном – пурга, пурга,
Тоска погасших звёзд,
И нет ни друга, ни врага,
И город – как погост.

Светлеет мрак полночных туч,
Недолго жить ночи:
Соединится солнца луч
С мерцанием свечи.

Удручённый безрадостной действительностью, поэт всё-таки протирает замутнённое окошко в золотой, осенённый Именем Бога мир. В этом узнаётся большой душевный труд, позволяющий автору не соскользнуть в бездну, покорно обживая мрачное пространство «погасших звёзд».

В стихах Дмитрия Мизгулина лирический герой постоянно теряет что-то очень важное, оглядываясь назад или прозревая – но в пустой след. Порой его интуиция, увы, просыпается слишком поздно – и вместо новой реальности он получает лишь горькое понимание того, что новая реальность *могла* быть. Тяжесть, продиктованная внешними обстоятельствами, ложится на его плечи, соединяясь с укором запоздало спохватившегося ума. Он исправляет вчерашние промахи, неверный выбор, потери, и в том – его жестокая планида и объяснение многих поступков. А ещё – живая душа, не делимая до конца на правильное и ошибочное:

И чаще вспоминаешь невпазд
Тот день и час, на время позабытый,
Тот удивлённый, тихий женский взгляд,
Какой-то беспокойный и открытый...
<...>
И безвозвратно миновали дни,
И этот миг, потерянный тобою,
Когда, казалось, руку протяни –
И встретишься с единственной судьбою.

Дмитрий Мизгулин – полная скрытого драматизма и внутренних противоречий фигура современного русского человека, живущего на «шатком стыке тьмы и света». Часть нового рационального века и, одновременно, наследник человеколюбивой традиции высокой русской литературы, он старается соединить разорванную в конце прошлого столетия нить времён. Его лирика, классическая по форме и художественным средствам, в своём сюжетном пространстве говорит о новой эпохе и прислушивается к сердцу простого человека. А сам он свидетельствует и горюет о нынешних смутных днях и годах, которым однажды всё-таки придёт конец.

Но пока «...небо и земля в морозной мгле слились...»

